

НЁМАН

7/2015
ИЮЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Елена ПОПОВА. Песня блистающей химеры. <i>Повесть</i>	3
Василь ЗУЁНОК. Здесь, где вечность в задумчивом свете. <i>Стихи</i> .	
Перевод с белорусского И. Котлярова, Г. Стрельцовой	57
Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. За стеклом. <i>Из записок переводчика</i>	61
Юрий МАТЮШКО. Этот день наполнит счастьем целый год. <i>Стихи</i>	86
Евгений ГАЛАЙДИН. Письма. <i>Рассказ-воспоминание</i>	91
<i>Великой Победе верны. Произведения членов литобъединения «Доблесть».</i>	
Андрей БОКЗА, Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ, Сергей ЗАКЛАДНЫЙ, Тамара ЗАЛЕССКАЯ, Николай ИВАНОВ, Евгений КОРШУКОВ, Леонид ЛУКША, Михаил ПОЗДНЯКОВ, Валентина ПОЛИКАНИНА, Николай ПОЛЯКОВ, Матвей РЕЙЗИН, Михаил ТОКАРЕВ, Николай ШАШКОВ, Михаил ЯСЕНЬ. <i>Стихи</i>	98

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Джо АЛЕКС. Скажу вам, как погиб он. <i>Роман</i> .	
Предисловие Р. Святополк-Мирского, перевод с польского	
Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни	110
ЛЕКОНТ де ЛИЛЬ. Сон Лейлы. <i>Стихи</i> . Предисловие Н. Рыковой, перевод с французского Г. Киселева	152

Документы. Записки. Воспоминания

Вячеслав НЕСТЕРУК. Пути-дороги. Предисловие А. Трофимчика	166
---	-----

Collegium musicum

Светлана БЕРЕСТЕНЬ. Портрет Огинского на музыкальном полотне	194
--	-----

Литературное обозрение

Искусство суждения

Анатолий АНДРЕЕВ. Поэтические измерения Владимира Шугли	208
<i>С точки зрения рецензента</i>	
Олег ЖДАН. Дом, который построил автор	213
Евгений РУДОВИЧ. Виктор Шнип: амаркорд	220

Авторы номера	224
---------------------	-----

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звезда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Редакционная коллегия:

*Вадим Гигин, Наталья Голубева, Олег Ждан (редактор отдела прозы),
Алесь Карлюкевич, Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Владимир Макаров, Роман Матульский, Владимир Мозго (зам. главного редактора),
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова, Олег Пролесковский,
Алесь Савицкий, Анатолий Сульянов, Николай Чергинец*

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель

Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звезда»

Директор – главный редактор
Александр Николаевич КАРЛЮКЕВИЧ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Таргонская*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 13.07.2015. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,92. Тираж 2120. Заказ .

Цена номера в розницу 23 500 руб.

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция только сообщает автору свое решение.

Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2015

© ОО «Союз писателей Беларуси», 2015

© РИУ «Издательский дом «Звезда», 2015

ВЯЧЕСЛАВ НЕСТЕРУК

Пути-дороги

Учитель, перед именем твоим...

У каждого из нас в жизни были свои учителя. Имена многих мы помним всегда.

Что примечательно, редко мы задумываемся: а какой жизненный путь был у того или иного учителя, его личная дорога и трудовая биография. Хотя чаще всего те страницы насыщены историей — в масштабах от повседневности до государственного уровня. Ведь легких времен, согласимся, не бывает.

При всем при том наши учителя нас не забывают. Следят, насколько возможно, за жизненными перипетиями учеников, переживая их неудачи и, конечно, искренне радуясь успехам — как собственным или собственных детей. Впрочем, почему как? Вложив в наши души частички своих, они не могут жить иначе. И, разумеется, наибольшую отраду им приносят достижения тех учеников, кто избрал родственную профессиональную стезю. В таких случаях, по себе как педагогу скажу, наилучшим образом чувствуешь, что работаешь не впустую.

К вышеописанной категории Учителей относится и русский словесник Вячеслав Иосифович Нестерук. С женой Раисой Андреевной они в общей сложности отдали Круговичской школе, что в Ганцевичском районе Брестской области, около ста лет!

Во второй половине XX века в деревне жило немало приезжих, в том числе русских по национальности. Однако прозвище «Русский» сразу и навсегда закрепилось за Учителем, выходцем из обычной полесской семьи. Причиной стала не столько профессия учителя русского языка и литературы (ведь других местных педагогов сельчане не называли по предмету), сколько любовь, самозабвенная, и даже, если хотите, жертвенная, к русской словесности.

Профессию сельского учителя Якуб Колас называл самой благородной. В. Нестерук целиком и полностью подтверждает слова нашего классика, начинавшего как раз в недалеком от Круговичей Люсино свой педагогический путь также с преподавания предметов на русском языке, среди которых важное место занимали язык и литература.

С периодом учительствования народного поэта можно провести еще одну параллель. Вячеслав Нестерук, как и в свое время Константин Мицкевич (будущий Якуб Колас), не боялся вольнодумства. Хотя годы учебы в институте Вячеслава Иосифовича пришлись на «дооттепельное» время, когда даже такой, сегодня казалось бы, нейтральный, чуть ли не аполитичный поэт, как Сергей Есенин, не изучался, именно тогда будущий учитель-словесник узнал о существовании подводной части айсберга русской литературы (о чем поведал в личной беседе). Главную роль в этом сыграли также умные и добрые преподаватели. С тех пор поэзия парня из рязанской глубинки словно растворилась в сердце юного полешука. Тот нравственный опыт

помогал и в дальнейшем разбираться как в жизни в целом, так и в профессиональном развитии. Будучи филологом по призванию, Вячеслав Нестерук непрерывно следил за новинками литературы. Он стал одним из первых в районе, кто в конце 1980-х начал знакомиться с еще недавно диссидентскими произведениями. Даниил Гранин, Владимир Дудинцев, Евгений Замятин... Их творчество находило место и в рамках уроков Вячеслава Иосифовича. Школьные программы еле успевали изменяться. Таким образом, обычный (а обычный ли?) сельский учитель в своем развитии опережал министерские умы накануне реформ системы образования.

Развитый аналитический ум и врожденная педагогическая жилка давали в сумме хороший результат в виде самостоятельно думающих учеников. Многие из них, выйдя на широкие жизненные просторы, выросли в выдающихся деятелей на самых разных поприщах.

Одним из первых медалистов, вылетевших из-под крыла Вячеслава Нестерука, стал Фаддей Александрович Бобко, выпускник 1957 года (о нем упоминает и сам Вячеслав Иосифович). Избрав профессию инженера, наш земляк достиг непредвиденных при окончании школы высот, — связав жизнь с политехническим институтом в Бресте, стал доктором технических наук, профессором, был отмечен высокими наградами — как советскими и белорусскими, так и правительства Польши, где он работал после падения «железного занавеса».

Также доктором наук (биологических) стал Иван Андреевич Гордей из Денисковичей (когда-то в этой большой деревне не было средней школы, поэтому старшеклассники учились в Больших Круговичах). Трудовой путь Ивана Андреевича связан с Институтом генетики и цитологии НАН Беларуси.

Круговичская школа дала миру людей самых разных профессий. Однако наибольшую отраду каждому учителю приносят ученики, связавшие жизнь с той же областью знаний, ставшие как бы продолжением своего педагога. Так, из круговичов (местное название жителей Круговичей) стали кандидатами филологических наук Ирина Владимировна Кондратеня (в девичестве Муха) и ваш покорный слуга. Сколько же выпускников выучилось на престижную во второй половине XX века профессию учителя, сегодня не счесть. Их количество измерится только трехзначной цифрой. На данный момент чуть ли не все педагоги Круговичской средней школы — это ученики Вячеслава Иосифовича, которому, несомненно, было приятно, что наибольшей популярностью при избрании педагогического образования пользовались филологические специальности.

Наибольший успех для Вячеслава Нестерука это, конечно, Виктор (Викентий Константинович) Гордей — известный писатель, родившийся в Малых Круговичах и закончивший Круговичскую школу в 1963 году. На то время Вячеслав Иосифович имел педагогического опыта не так и много. Однако разглядел в сочинениях паренька зерно художественного таланта. Выходы оказались богатыми — десятки книг поэзии и прозы, изданий для детей. Многие произведения, отчего особенно радостно, посвящены событиям на малой родине, литературному осмыслению жизни земляков. Контакты между учителем и его воспитанником не прерываются по сей день. И уже Викентий Константинович подсобляет своему педагогу в его литературной деятельности.

Именно так. Вячеслав Иосифович, выйдя на пенсию, не только не забросил литературу, но и сам ощутил необходимость творчества. Особенно после утраты своей «половинки» — Раисы Андреевны. Уже более десяти лет льются стихи — лирические и публицистические, однако, что важно, все они глубоко душевные, искренние, нередко в ущерб эстетике формы. На середине девятого (!) десятка Вячеслав Нестерук является одним из самых активных деятелей литературного сообщества в Ганцевичском районе. Похвально, что библиотечные работники и редакторы

районных газет (а таковых в местечке два) заботятся о своих талантах. Есть и свои меценаты. Особенно тепло к литературной и культурной деятельности своих земляков относится директор Ганцевичского предприятия мелиорационных систем Александр Владимирович Шут. Круговичский уроженец, ученик Вячеслава Иосифовича ценит результаты творчества одухотворенных людей не только на словах. Главным показателем тут являются изданные своими силами коллективные и индивидуальные сборники стихов. У Вячеслава Нестерука также несколько книг. Примечательно, что одна из них, зрелая и чувственная, «Рассветы и закаты», овеянная мудростью прожитых лет, вышла с предисловием Виктора Гордея.

Попросились на бумагу и воспоминания. Огромный жизненный опыт, источником которого стали несколько исторических эпох вкупе с непритупившимся филологическим пером и аналитическим складом ума, делают чтение мемуаров Вячеслава Нестерука познавательным и интересным. Главной их чертой является твердая жизненная позиция. На все явления, события Вячеслав Иосифович имеет свой взгляд. Вместе с тем автор стремится к объективности и в ее свете переосмыслению и прошедших событий, и своего отношения к ним. Не лишены воспоминания и лирических красок. Они сопровождают практически все страницы, и даже те, где, образно говоря, цветного изображения в жизни сельского учителя и не было. Присутствуют в воспоминаниях и нотки юмора.

При взгляде на пройденный жизненный путь некоторые склонны приукрашивать его в зависимости от актуальной конъюнктуры. Этого у Вячеслава Нестерука не наблюдается. Например, не отрицает он своей деятельности как местного активиста коммунистической партии. Как видно, доставившаяся не по собственной воле лямку он тянул усердно, но не без осмысления круговорота событий — как локальных, так и масштабных, политических. Такое переплетение мемуарной аналитики сельского учителя позволяет посмотреть на описываемое время под нестандартным углом. Кто знает, может, действительно наступила бы «эра светлых годов», если бы все 20 миллионов членов КПСС так добросовестно относились к своим обязанностям.

Во время и после прочтения воспоминаний не покидала мысль, что это только небольшая часть того, чем стоило бы поделиться с современниками и будущими поколениями человеку с уникальным богатейшим опытом. Многие затронутые пунктирно темы и проблемы, несомненно, требуют более широкого выявления — не для мемуариста, а в первую очередь для нас с вами. Местами возникает ощущение, что автор боится быть назойливым, не осмеливается перегружать мемуары подробностями. А ведь именно из них и состоит в большинстве своем жизнь каждого человека, а то и целых поколений. И если те, казалось бы, мелочи жизни не доверить бумаге, то через несколько десятков лет о них не вспомнит никто. Поэтому остается пожелать Вячеславу Иосифовичу творческого вдохновения, сил и здоровья для реализации идей и планов. Их у неутомимого Учителя, как мне известно, так много, что пришлось ему недавно освоить компьютер. А значит, впереди еще много произведений в самых разных жанрах.

Анатолий ТРОФИМЧИК

Босоногое детство

Раннее детство вспоминается смутно. Видится крестьянская низкая хата при самой улице, рядом старый вяз и большой камень-валун. На нем мы любили сидеть, греясь на солнышке. Здесь затевались наши нехитрые игры в так называемые «хованки». Врезался в память и страшный пожар, который двигался к центру, пожирая одну за другой соломенные крыши густо лепившихся хат. Бежали, кричали, сустились люди...

Мы же, трое детей, сидели с нехитрым скарбом в крестьянской телеге, готовые в любую минуту съехать в поле. Рядом, в упряжи, наготове стояла лошадь. Деревня выгорела дотла. Речь веду о небольшой деревеньке, где я родился и был крещен потом в Антопольской православной церкви под именем Вячеслав.

Свекличи... Странное название деревни. Одни связывают его с понятием свекла, хотя вокруг никогда не было свекловичных плантаций. Приезжие произносят Светличи, заменяя букву «к» на букву «т», выделяя корень «свет». Деревня, действительно, находится в светлой, безлесной округе. Правда, с южной стороны тянется узкая песчаная гора, за ней — топкое болото, видимо, бывшее русло реки. Раньше песчаная коса наступала на деревню, пыльные бури угрожали полям и огородам. Наконец еще польские власти приняли меры: крестьяне отрабатывали обязательный «шарварок», выходили на посадку очень живучей красной лозы и обычной сосны. Со временем посадки разрослись и пыльные бури прекратились.

Деревня небольшая, дворов под сорок. Дома зажиточных крестьян выделялись на фоне низких хат, потому что были выше и крыты черепицей или оцинкованной жстью, отличались количеством и размером окон. Особенно запомнились дворы Дениса-Барана, Сергея-Трубки и Панаса многодетного. Каждый был владельцем мельницы-ветряка. Удивительно, что в маленькой деревеньке три мельницы. Нигде в округе такого не было. На помол зерна съезжалось много мужиков. Здесь сельчане узнавали новости, судачили о хозяйственных делах, заводили знакомства, обменивались зерном. Мы, дети, часто бывали там, хотя не были донкихотами: нам не досталось доспехов и рыцарской отваги, чтобы сразиться с этими великанами. Любили мы бывать на мельнице Дениса. Мужик он был видный, приветливый, разрешал подниматься наверх, наблюдать за работой механизмов. Скрипел главный вал, гудели жернова, сыпалась мука. По-особому воспринималась нами эта чудо-техника.

У Панаса многодетного, мельница которого стояла на другом конце села, мы тоже любили бывать. В его семье подрастало пятеро сыновей, были и наши одногодки. Миловидная хлебосольная хозяйка угощала нас вкусными пшеничными лепешками, блинами, фруктами из своего сада. Она почему-то напоминает мне сегодня известную мельничиху из «Анны Снегиной» Сергея Есенина.

В деревне работала польская школа. Размещалась она в большом наемном доме, во второй половине которого квартировал пан учитель. Дети его любили: на переменах он проводил подвижные игры, катал малышей на своем «ровере» (велосипеде), что нам было в диковинку. Содержание уроков забылось, но помнится польская речевка, с которой, как с молитвы, всегда начинались занятия. Входил пан учитель, дети вставали и хором вместе с ним — привожу в транскрипции — повторяли:

- Кто ты естесь?
- Поляк малы.
- Яки знак твуй?
- Ожел бялы...

Дальше говорилось, что живем мы на польской земле, среди поляков. Так велось тогда ополячивание с детских лет. Похожая методика у любых властей, обживающих чужую землю. Не забылся и один стишок, такой звонкий и милый:

«Лецом боцьки колэм, колэм...» Они садились на крестьянские «стодолы» и своим клекотом возвещали весну. Так что и сегодня понимаю польскую речь и читаю без перевода.

Босоное детство. Его в нынешнем понимании не было. Вставали рано, с восходом солнца. Всем в хозяйстве находилась работа. Но главной нашей обязанностью весной, летом и осенью была пастба скота. Росяным утром мерзли босые ноги, зудели, потому что почти всегда были в цыпках. Небольшое пастбище не позволяло расслабиться: коровы то и дело норовили зайти в чужую траву рядом, а это грозило конфликтом с соседями. Помнятся наши походы на гору за селом, где мы в разросшемся лозняке и хвойнике затевали разные игры. А весной, босоногие, искали в болоте гнезда чаек. Закалку получали хорошую, почти не болели. Находилась работа и зимой. В одной половине болота разросся лозняк и ольховник. Там деревня заготавливала топливо: мужчины рубили, вязали в пучки, а мы отвозили домой. С лошадьми мы рано научились управляться. Не один из нас уподоблялся некрасовскому мужичку, везущему хворосту воз.

Жилось нелегко, но не голодали, хотя урожай и земледелие были не на высоте. Минеральных удобрений не имели, на покупку в Антополе, в еврейских лавках, не хватало «злотых», а заготовить органику на все гектары не получалось. Принято было сеять зерновые в «загоны» — полосы шириной в полтора метра. Нас учили поднимать зябь, бороновать, сеять, жать серпами, убирать низкорослые яровые косами, специально для этого оснащенными. Урожай считали в известных в народе «бабках», в которые ставили десять-двенадцать снопов, и в «копах», куда укладывались уже высушенных — шестьдесят. Копа при обмолаоте давала в среднем пять-шесть пудов зерна. Главным строением на подворье была кормилица-«клуня». В ее средней части находился глинобитный ток для обмолота и очистки зерна, а по бокам — отсеки для складирования убранных урожая и ценного сена для овец, телят и стельных коров.

Наступала зима, мать долгими вечерами готовила льняную и шерстяную пряжу, ладила кросна, при керосиновой лампе ткала полотно. А в «клуне» горел фонарь, стучал цеп. Отец не возвращался, пока не выполнит намеченную норму. И так до весны. Детям работы становилось меньше. Из досок делали примитивные лыжи, из чурбана — коньки с натянутой внизу проволокой или шиной в виде лезвия ножа.

Зимы тогда были снежные, сугробы наметало поверх заборов, так что горки для спуска не составляло труда устроить. Но главной забавой была карусель. На пруду вбивался кол, на него надевалось колесо-коловорот с дышлом и санями. Все это приводилось вручную в круговое движение. Это было радости и веселья. На праздники приходили сюда и взрослые, особенно на Новый год и Рождество.

Юность

Юность моя прошла уже на хуторе, рядом с деревней. В нашей семье было трое детей: старшая сестра Клавдия, брат Федор и я. Жили вначале в низкой хате-четырёхстенке с глиняным полом и огромной русской печью посередине. Из домашней живности держали две коровы, лошадь, телят, поросят, овец, а также птицу: кур и гусей. Наше хозяйство относилось к середнякам: восемь гектаров пашни, три сенокоса, два пастбища. Сеяли рожь и пшеницу, ячмень и овес, гречиху и просо, а из технических — лен и коноплю на изготовление веревок — наркотиков тогда не знали. Я рано научился пахать, сеять, косить. Это пригодилось особенно тогда, когда в 1944 году мобилизовали отца и отправили на фронт. Позже я написал о своей науке вести крестьянское хозяйство в стихотворной автобиографии:

Родился я на Брестчине, в селе.
Работать в юности учился на земле:
Поле лошадкою пахал, траву косил,
Рано вставал, спасибо солнцу говорил.
Красивых девушек любил,
За все Творца небесного благодарил.

Натуральное хозяйство в польские времена давало безбедное житье-бытье. Был свой вкусный ржаной хлеб (его пекли на специальной закваске и подстилке из дубовых листьев), по праздникам ели и пшеничный. Были и разные крупы, благо выращивались крупяные культуры и рядом работали мельницы. Имелись и домашние жернова. А в известной ступе бабы-яги нам иногда поручалось толочь просо. В дополнение ко всему в семьях славилась и макуха — жареная пахучая масса льняного семени. В нее макали вареный картофель. У детей это считалось неплохим лакомством. Конечно, мясом не объедались, но на стол попадала курятина и гусятина, говядина и свинина, телятина и баранина, а по праздникам домашняя ароматная колбаса. Большая часть выращенного шла на продажу, на польские «злотые», которые были так нужны и которых всегда не хватало. Вся купля-продажа была связана с Антополем.

*Выпускник 10-го класса.
Антополь, 1951 г.*

Уж если зашла речь об этом городке, то стоит, думаю, рассказать о нем подробнее. Он вывел наше детское и юношеское сознание за рамки деревни, открыл глаза на окружающий мир, на другую жизнь. Этот небольшой еврейский городок состоял в основном из деревянных строений, украшали его каменная православная церковь, синагога, большая круглая площадь с длинными торговыми рядами, судовая управа, клуб и школа. По праздникам проходили здесь богатые ярмарки. Вся площадь заставлялась возами. Чего только здесь не было: крупный и мелкий рогатый скот, лошади, свиньи, овцы, разная птица, всякая утварь, гончарные и кузнечные изделия. Площадь жила, шумела, полилась разными голосами: мычанием, ржанием, блеянием, хрюканьем, гусиным гоготанием. Торговцы в лавках предлагали заграничные товары: одежду и обувь, хлопчатобумажные и шерстяные ткани разных расцветок и качества. Запомнились клетчатые шаровары до колен, которые были тогда в моде у зажиточной молодежи. К ним, шароварам, полагались еще ботинки и цветные мужские чулки. Кто был побогаче, приценивался к швейным машинам «Зингер» и красивым велосипедам разных марок. Возле церкви собиралось много молодежи. Девушки щеголяли в цветастых платках, вышитых кофточках, в вошедших тогда в моду сарафанах. Здесь заводились знакомства, потом образовывались пары, молодые семьи. Любил я ездить с отцом на эти базары. Дети всегда возвращались оттуда с гостинцами.

Все сказанное не означает, что я восхваляю польские времена, рисую, так сказать, картину маслом. Жизнь крестьянского сословия всегда оставалась сложной: и при царях, и при королях, и при советских вождах, которые потом надолго, «осчастливили» коллективизацией народ, да и при нынешних демократах.

Но вернемся в те далекие дни. Задумали мои родители выстроить настоящий дом под железной крышей, с тремя комнатами, с парадным крыльцом.

Накопили «злотых», закупили строевой лес, организовали толоку (толока — это крестьянская солидарность, безвозмездная помощь). Потом отец нанял известных плотников-евреев, которые умели рубить дома с чистым немецким замком по углам. Помнится, как потом мы привозили из Антополя пакеты красивой оцинкованной жести для кровли. Страшно подумать, каким трудом далась родителям эта стройка. К 1939 году дом был готов. Праздник вселения запомнился на всю жизнь.

Потом отец взялся за обустройство усадьбы: подновил сараи, заложил большой сад, саженцы выписал из Варшавы, лучшие по тем временам сорта, завел для опыления пчел. Добавилось всем работы, молодой сад требовал внимания и ухода. Но в это время моя сестра и брат вступили в юность, стали настоящими помощниками, за ними тянулся и я, брался за любую работу.

На мокрых лугах под руководством польского инженера были проведены мелиоративные работы, а в зажиточной деревне Таракань открылась школа «рольнича» (сельскохозяйственная), которая распространяла опыт культуры земледелия. Так польские власти обживали Западную Беларусь, которую уже считали своей территорией.

Но легкой жизни не знали: был повседневный труд и заботы, как всегда в крестьянстве. Платили немалые налоги; за недоимки, случалось, судебные чиновники (их называли «дерунами») забирали у неплательщиков скот — то корову, то откормленную свинью. И в нашей семье бывало такое. И все же страшного гнета, издевательства, унижения, о котором широко рассказывается в политизированной белорусской литературе, не было. Бесконфликтно жила деревня, не знала воровства и пьянства. Весело проходили праздники — Новый год, Рождество, Пасха. Добрые соседи ходили друг к другу в гости, детей угощали вкусной едой, сладостями.

Воссоединение

Надвигались новые времена, а с ними большие перемены в 1939 году. Хотя политическая обстановка на Брестчине была спокойной, но все же некоторое брожение в умах людей происходило: советская пропаганда и социалистические идеи делали свое дело. Доходили слухи о политических заключенных в тюрьме Картуз-Березы, о партизанском отряде загадочного, неуловимого Мухи-Михальского (Орловского), о его набегах на панские имения. Однако поднять белорусов западного края на восстание не удалось. Пришлось Советской России прибегнуть к силе Красной Армии. Зажатая с двух сторон, польская армия быстро развалилась. Молниеносная война, по слухам, закончилась парадом советско-германских войск в городе Бресте. В Антополе, как напоминание о той войне, до сих пор стоит памятник трем погибшим танкистам.

Многие белорусы, служившие в польском войске, попали в плен и не вернулись домой. Одним из них был и мой дядя, брат матери Панюсько Павел. Пропали и те отчаянные парни из белорусских сел, что раньше перешли польско-советскую границу в надежде найти в новой России настоящее счастье. Их там посчитали лазутчиками и польскими шпионами и приняли к ним строгие меры.

В те дни царило какое-то возбуждение. Помню, как вся деревня с красными флагами (быстро нашлись агитаторы) направилась в городок встречать Советскую власть. На митинге звучали пламенные речи о свободе, о начале новой жизни. Изменился Антополь, заработали советские учреждения, все посты в которых заняли присланные из России служащие. В красивом здании бывшей польской школы заработала советская десятилетка с русским языком обучения.

Но вместе с тем не стало прежних больших ярмарок, богатых еврейских лавок, товаров первой необходимости. Женщины возмущались, что нет мыла, ситца, других мелочей. Агитаторы успокаивали, доказывали, что всего достаточно,

но виновата узкая польская колея, которая задерживает перевалку и доставку грузов из России. А в сельповских бедных магазинах при завозе кой-каких товаров выстраивались очереди, так знакомые нам и в последующие годы.

Мои родители не жаловались. И вот почему были союзниками новой власти. В Первую мировую войну 1914 года мой дед с семьей был эвакуирован в Россию, обрел там вторую родину. Там семья пережила две революции, Гражданскую войну, в которой погибли в Красной Армии два сына. Там умерла и похоронена моя бабушка, а отец, 1907 года рождения, окончил русскую начальную школу и еще до польской школы обучил нас русской грамоте. Сначала отец хвалил коммуны, в которой пришлось жить и питаться из общего котла, потом признался, почему ее пришлось закрыть. Коммунары проели богатое помещичье имение, никакого дохода государству не давали, а сами часто просили помощи у государства.

Жизнь в Антополе стала входить в спокойную колею. Покинутые дома прежних хозяев перешли советским служащим, кое-что обновили. К Свекличам проложили шоссе, потому что за деревней началось строительство аэродрома как гаранта западной границы. Сначала там выросли длинные бараки для рабочих. Потом мы узнали, что это заключенные. Было как-то не по себе, стали задаваться вопросом: почему в 30-е годы, в мирное время столько репрессированных. Но деревня продолжала жить своей жизнью: много работали, платили налоги, не меньшие, чем при поляках.

Отечественная война

А на западе вновь стали сгущаться тучи. Вскоре всколыхнуло деревню страшное слово — война. Я услышал его 22 июня 1941 года, когда возвращался с отцом от маминой родни через упомянутый аэродром. Возле барачных верховых, охрана выводила и строила в колонны заключенных. С запада доносились громовые раскаты. Это стояла и защищалась Брестская крепость.

На второй день войны Антополь опустел: эвакуировались на восток учреждения, в служебных кабинетах валялись бумаги, рваные папки. Мебель жители уже сумели растащить. Мы, подростки, без ведома родителей бегали за своей добычей. Городок затаился, притих в тревожном ожидании. Нас привлекала районная библиотека. В ней был страшный беспорядок: навалом на полу лежали книги, поваленные стеллажи, ящики и коробки. Часами рылись в книгах городские и сельские подростки. Мы с братом и верным другом за две вылазки принесли мешок книг. Нас интересовали военные издания: книга молодого бойца с описанием разного вооружения, книги о выдающихся победах Красной Армии, которая умела побеждать разных врагов «малой кровью, могучим ударом». Мне тогда в руки попала довоенная поэма «Вася Теркин». Простой солдат Твардовского (он тогда был пулеметчиком) проявлял чудеса храбрости на финской войне.

Что за парень в гимнастерке,
В сером шлеме со звездой.
Это он, Василий Теркин,
Пулеметчик молодой.
Был он в каком-то бою ранен, но...
Отлежался — и здоров,
И на финскую границу
Покатил он бить врагов.

Дальше рассказывалось о его выучке, умении брать в плен финских «шуцкоров» (фашистов), которые в маскхалатах сидели на верхушках сосен и «поливали» из автоматов наших бойцов. Все получалось у него легко, как в сказке. Не знали мы тогда, какой ценой, какой кровью далась та победа. В других кни-

гах, которыми зачитывались, также восхвалялась Красная Армия, легендарная и непобедимая, наши боевые машины, способные в случае чего не на своей, а на чужой земле покончить с захватчиками. Как мы тогда гордились нашей страной и армией! Но пришло отрезвление, когда мы увидели спешно покинутый Антополь, стройные колонны немецких войск и в небе армады бомбардировщиков, беспрепятственно летевших на восток. А где же наша Красная, грозная, умелая и непобедимая? И почему их ни разу не встретили краснозвездные ясные соколы?

Где-то на третий день войны городок стали обживать немцы. А колонны механизированных войск все шли на восток, и так же надрывно гудели тяжелые бомбовозы; и по железной дороге в сторону Лунина двигались эшелоны с танками и артиллерией. Мы впадали в уныние, жили в постоянной тревоге, ожидали чего-то страшного.

О партизанах заговорили в начале 1943 года, когда начались диверсии на железной дороге. Ночью в нашем доме стали появляться вооруженные люди, а мать уходила куда-то на сутки, а то и двое. Ее родной брат и две сестры уже были в партизанском отряде. Потом я познакомился с родственником Сидорчиком и русским Гавриловым. Это были молодые, отчаянной храбрости парни. При их помощи была проведена первая смелая операция.

Как-то летом 1943 года они появились в деревне и сорвали доставку продуктов фашистам в город. Немцы устроили погоню, решили взять их живыми. Особенно старались полицаи. Наперерез, в обход, через луг, где мы пасли скот, они бросились к леску, чтобы не дать партизанам возможности там скрыться, но нарвались на засаду. Там они и нашли свой конец. Пытавшихся бежать настигли пули на лугу. В первый раз мы увидели убитых, окровавленных людей. Так как немцы шли далеко позади, то никто из них не пострадал, поэтому и не сожгли нашу деревню.

Первую серьезную попытку уничтожить партизанскую зону (она находилась за Днепро-Бугским каналом) немцы сделали в середине лета 1943 года, послав туда конный отряд мадьяр и полицаев. На облезлых от коросты лошадях, с навьюченными на них пулеметами и минометами, двигались они мимо нашей деревни. Однако вылазка не удалась: их достойно встретили партизаны, отстояли свою опорную деревню и базы. Нас обошла беда и на этот раз, но все меньше мы, дети, оставались дома, неделями жили в далеких деревнях, охраняемых партизанами.

Вскоре партизаны провели свою успешную операцию. Объединив несколько отрядов, они двинулись к железной дороге. Поставив заслон перед Антополем, блокировав местный гарнизон, подавив огневые точки бункеров, стали свободно орудовать на железной дороге: пилили телефонные столбы, разворотовали рельсы на протяжении нескольких километров, взорвали мост. На две недели было парализовано движение поездов. Над деревней нависла угроза уничтожения. Детей развезли подальше от Антополя, а взрослые стали по ночам прятаться в лесистой части болота и в копнах сена. В Свекличах стали чаще появляться полицаи: вынюхивали крамолу. Наша родня понесла первую потерю: в Антополе была схвачена партизанка-разведчица, родная сестра матери — Панюсько Мария. Допрашивали ее сначала в местной комендатуре, потом в городе Кобрине, где и казнили на площади. А в карьере за городком, где раньше были расстреляны еврейские семьи, стали появляться свежие могилы. Нашу семью ждала такая же участь.

Однажды на рассвете явились каратели, забрали отца, мать, сестру и брата. Мне удалось скрыться. Перепуганный, заплаканный, я решил бежать к партизанам. Какие-то женщины толпой шли за мной, звали к себе, но я держался поодаль, боялся подпускать их к себе. Думалось, что спрятавшиеся, возможно, за ними полицаи, таким образом хотят поймать меня. Староста села по приказу партизан собрал людей и отправился в комендатуру, чтобы поручиться за невиновность арестованных. Через трое суток их отпустили. Я видел ссадины и кровоподтеки на лицах родителей, все понимал, но они ничего не рассказывали, чтобы не травмировать детскую психику.

Вскоре немцы предприняли вторую попытку уничтожить партизан. Местный гарнизон, усиленный воинской частью, при поддержке двух легких танков с боем подошел к каналу, завладел паромной переправой, вышел на правый берег, ворвался в опорную деревню Новоселки, разграбил и сжег. К счастью, люди вовремя ушли в леса и болота на запасные базы. Ушли и партизаны, сохранив боеспособность поредевших отрядов. В этом неравном бою сложили головы многие знакомые партизаны, в том числе и наш общий любимец, мой дядя Панюсько Николай. Больше немцы туда не сунулись, партизанская зона осталась непокоренной. А жители вернулись на пепелище, построили землянки, потом возродили деревню. Теперь там известный в Дрогичинском районе рыбхоз.

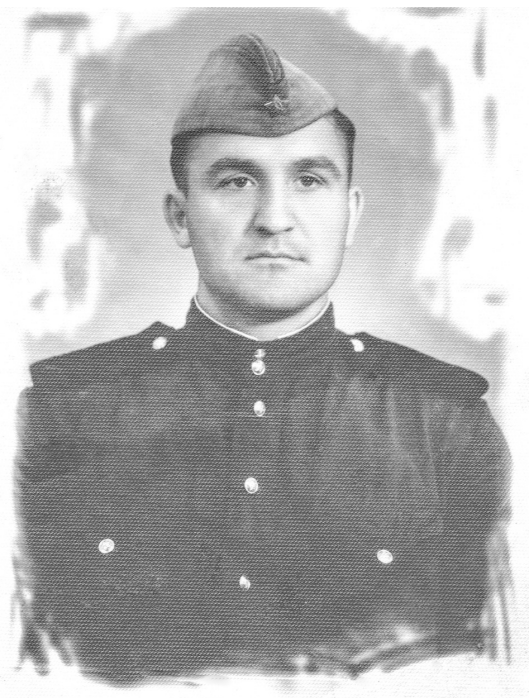
Шел 1944 год. Партизаны готовились к новым боям, собирали силы. Меньше стало взрывов

и диверсий на усиленно охраняемой железной дороге. Никаких значительных событий не произошло, но стали доходить радостные вести об успехах Советской Армии, о выигранных больших сражениях. Близилось лето, повеяло запахом победы: началось освобождение Белоруссии. Приятно взволновала весть о взятии нашими войсками Минска, потом об освобождении недалекого от нас Ганцевичского района. Пошли уже не на восток, а на запад эшелоны с отступающими немецкими частями. Через Антополь тоже шли и шли в направлении к Бресту вражеские войска. Отступали организованно, без паники, не так, как наши в 1941 году.

Мы поверили в конец фашистской оккупации только тогда, когда прошел последний эшелон и следующая за ним команда минеров. Она методично, с немецкой аккуратностью, километр за километром взрывала телефонные столбы и железнодорожное полотно. А мимо Свекличей через перекресток дорог беспрерывно шли тыловые части, гнали перед собой стада коров и табуны лошадей. В эту ночь никто не спал, деревня опустела. Люди прятались в топком болоте и непролазных кустарниках. Всем хотелось выжить, никто не хотел умирать накануне победы. Наша семья пряталась там же.

Утром пришла весть: в деревне уже наши. Со слезами на глазах возвращались люди, повторяя святыя слова: «Победа! Свобода!» И летний тот день выдался на славу, и солнце казалось ласковее и моложе, и воздух пьяняще сладок. Омрачало лишь только то, что на заминированном перекрестке подорвалась подвода и погибли два солдата.

В Антополе сразу же заработали советские учреждения, после длительного перерыва дети-переростки пошли в школу, в деревнях стали понемногу подниматься крестьянские хозяйства. Но вскоре прошла мобилизация, наши отцы стали солдатами, в домах остались матери с малыми детьми. Нам, детям-подросткам, пришлось пахать, сеять, косить. А вскоре в дома стали приходить похорожки. Проклинали войну, с нетерпением ждали ее конца, но до полной победы оставалось еще много месяцев.

1957 г.

Взросление

Наконец-то пришла радостная весть о взятии Берлина, о капитуляции Германии. Наш отец вернулся живым и здоровым. Служил он в противотанковой артиллерии, был пулеметчиком. О войне говорить не любил, но всегда гордился медалью «За отвагу», полученной в боях за освобождение чехословацкого города Брно. В нашу семью пришла еще одна приятная весть: вернулся домой после длительного плена пропавший в войну 1939 года мамин брат — Панюсько Павел, служивший тогда в польском войске.

Сложна, трагична и поучительна жизнь и судьба старшего сына из рода Панюсько — Василя. В 20-е годы прошлого века он отправился на заработки в далекую Аргентину. Был наемным работником у разных фермеров, потом перебрался в столицу, перебивался случайными заработками, сполна познал жизнь эмигранта, вступил там в компартию, в патриотическом порыве в 1936 году ушел на войну в Испанию; в составе интернациональной бригады Тадеуша Костюшко участвовал в боях с фашистским режимом Франко. Был ранен, после падения республики и плена сидел в лагерях где-то в Африке. После окончания Второй мировой войны был освобожден африканцами, попал в США, затем выслан в СССР. А в 1949 году всеми давно забытый, без средств к существованию вернулся на родину, в свои Дятловичи. Правда, ему, как солдату-интернационалисту, после долгих мытарств была назначена небольшая пенсия. Подорванное здоровье заставляло его часто обращаться в райполиклинику, поэтому после дороги приходилось отдыхать у нас. Он был мастер на все руки: и плотник, и печник, и кузнец. Он помогал отцу обустраивать новый дом, ухаживать за садом.

По его интересным, как очевидца, рассказам мы впервые многое узнали о других странах, о войне в Испании, о судьбе эмигранта и заключенного в лагерях солдата. Несмотря на все невзгоды и житейские злоключения, он до конца своих дней оставался жизнелюбом и оптимистом, не плакался о потерянных годах на чужбине, оставался республиканцем-патриотом.

Это о таких людях писал Светлов: «Он хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

О дядях из рода Нестеруков имеются скудные сведения. В послевоенные годы не могло быть переписки с проживающими на Западе. По рассказам отца, двое из троих были мелкими фермерами, разорились, не были женаты: за бедных эмигрантов девушки не хотели выходить замуж. Их следы так и затерялись где-то в Латинской Америке.

Отец, истосковавшийся по земле и дому, взялся за работу с большой охотой, трудился, не зная усталости, да и мы, подростки, окрепшие, стали настоящими помощниками. Но не так просто было поднять разрушенное войной хозяйство. К тому же вскоре возросли налоги, их платили деньгами и натурой: зерном, молоком, мясом, шерстью. К весне закрома пустели, хлеб становился лакомством.

Коллективизация

1949 год был объявлен годом коллективизации. Сначала на собрании уполномоченные довели до односельчан политику партии и правительства по данному вопросу, рассказывали о преимуществах ведения коллективного хозяйства, потом несогласных для «обработки» вызывали в сельсовет повестками. В это же время для примера выселили мельника Дениса, а его хозяйство (совсем не кулацкое) передали в колхоз. Потом самых упрямых, в том числе и фронтовиков, продержали сутки под арестом в сельсовете, чтобы серьезно подумали. Придя домой, отец сказал: «Плетью обуха не перешибешь, был я в гражданскую войну в коммуне, теперь поживу в советском колхозе». Скрепя сердце, на колхозный двор свел одну корову, лошадь, передал хозинвентарь. Потом разобрали кормилицу-«клуню» —

главное крестьянское строение. Сломали зачем-то и три ветряка, чтобы больше не напоминали о прежней жизни. Без этих крылатых великанов деревня навсегда потеряла свое лицо. Каждое утро проходил по хатам бригадир и «выгонял» на придуманную им работу. Приучали работать в коллективе, поэтому собравшиеся не брались за дело до тех пор, пока не соберутся все опоздавшие. Если раньше, например, наше болото косили и стоговали две недели, то теперь работа затягивалась до осени. Старания не было, потому что за трудодни (их называли «палками») по завершении года выдавали жалкие гроши и немного зерна. Былые середняки впадали в бедность. Беспаспортные крестьяне не могли уйти из колхоза, но их взрослые дети как-то умудрялись устроиться на работу в Антополь, Кобрин, Брест. Самые же смелые и решительные по объявленному набору уезжали в шахтерские города и на освоение Севера. И все же вера в то, что жизнь наладится и страна поднимется из послевоенной разрухи и бедности, осталась. Мой брат в это время стал студентом педучилища в Бресте, сестра после семилетки ушла в потребкооперацию. И я вскоре окончил городскую десятилетку и строил смелые планы на новую жизнь. Что ни говори, а Советская власть в те трудные годы открыла молодежи широкие возможности выбора.

Альма-матер

Мы, двадцатилетние выпускники послевоенной школы, были патриотами, смело рвались в жизнь, стремились стать нужными специалистами для страны, не боялись трудностей, шли в разные вузы, военные училища, техникумы. Я мечтал о профессии военного летчика, подал заявление, прошел комиссию, но при последней проверке кардиологи нашли какие-то глухие тона в сердце и отказали в направлении. Пришлось идти в пединститут на русское отделение, чтобы в совершенстве овладеть языком, который я полюбил в детстве. Обида на комиссию прошла, и началась бурная студенческая жизнь. Неизгладимое впечатление в Брестском пединституте произвела на меня Ираида Георгиевна Молодова. Я был очарован дивной музыкой ее русской речи, своеобразной методикой чтения лекций, умением вовлечь в процесс познания студенческую аудиторию. Ее методику я часто потом применял в школе, проводя уроки в старших классах. Я был успешным студентом, но часто голодал, потому что не всю стипендию и присылаемые из дому деньги тратил на питание, а откладывал на обновление гардероба. Я был плохо одет и на институтских вечерах, среди богаче одетых городских, выглядел белой вороной. Только на третьем курсе мне удалось сменить футболку и шинель на костюм и пальто. Жил с однокурсниками в большом бараке, построенном немецкими военнопленными. Буржуйка зимой накалялась докрасна, а под утро замерзала вода. Поверх одеяла мы накрывались тяжелыми тюфяками. Но меня, выжившего в войну и видевшего худшее, это не испугало.

Новые науки, новые преподаватели увлекли нас в новый мир познания. Литература Древнего мира, эпох Просвещения и Возрождения, позднейшего времени открыла богатейший пласт человеческой культуры, цивилизации. Увлекся я и политическими науками: пробовал штудировать классиков марксизма-ленинизма, с интересом изучал философию, политэкономия, научный коммунизм. На старших курсах захотелось познакомиться с трудами философов-идеалистов, но их книг нам почему-то не выдавали. Дошло однажды до того, что мы отказались на семинарских занятиях выступать с критикой буржуазных идеологов, заявив, что их книг в глаза не видели, чем поставили в неловкое положение себя, преподавателя, кафедру. Но этот случай замяли, а мы стали кое в чем сомневаться. Не совсем удовлетворило нас и чтение курса советской литературы. Преподаватель обходил «острые углы» в темах коллективизации, Гражданской и Отечественной войн, строго придерживался заданности советской критики и социалистического реализма. Выпали из вузовской программы многие видные поэты и писате-

ли — Блок, Есенин, Ахматова, Цветаева, Бунин, Майков, Фет, Северянин, Белый. Ничего не говорилось о запрещенной литературе, что была написана «в стол».

Из-за перегруженности программ по марксизму-ленинизму не дали знаний по другим видам искусства: музыке, живописи, театру. Этот пробел пришлось восполнять потом в школе. Хорошо, что мы на третьем курсе по своей инициативе создали студенческую школу-студию, упростили артистов Брестского драмтеатра взять над нами шефство. Под их руководством я неплохо сыграл Осипа в комедии Гоголя «Ревизор», помещика в миниатюре Чехова «Медведь», две роли из Островского. Эти знания так помогли мне потом в работе школьного драмкружка.

В студенческие годы хотелось многое познать, проверить свои силы. Я увлекся спортивной гимнастикой, получил третий, потом второй разряды, был включен в институтскую сборную, выступал на городских соревнованиях и на институтских спортивных вечерах. В те трудные послевоенные годы спортсменам-разрядникам выдавали талоны на питание, что было своевременной поддержкой. Мы были в дружбе с Домом офицеров, нас часто приглашали на соревнования. Я близко сошелся с молодыми офицерами, они и переманили меня в секцию классической борьбы. В ней я позанимался один год, освоил борцовские приемы и показывал в своей весовой категории неплохие результаты. С таким багажом знаний по языку и литературе, физической подготовки вышел я из пединститута, став учителем средней школы.

На Ганцевщине

1955 год стал переломным в моей жизни. Получив диплом, распрощавшись с альма-матер, родными и близкими, отцовским домом, собрался на государственную службу. Со мной едет молодая жена, учительница биологии и географии. А отправляемся мы в дальний, считавшийся отсталым Ганцевичский район, в Полесье, которое было знакомо только по книгам Якуба Коласа. Позади остались Кобрин, тихий мой Антополь, знакомые места и городки Брестчины: Дрогичин, Янов-Полесский — все милое, родное.

За Пинском уже другой пейзаж, а Луинец по сравнению с европейским Брестом показался каким-то темным, неухоженным: его, как крупный железнодорожный узел, сильно бомбили в военное лихолетье, кое-где были еще видны следы войны.

После пересадки едем по направлению к Барановичам, видим колосовскую «Дрыгву» в натуре: топкое болото, кустарник, чахлый лес, подступающий к самой железной дороге. Промелькнули большая деревня Мальковичи, остановка Якуба Коласа, два озера — и опять похожие виды: то болото, то кустарник, то песчаные взгорки, то перелески.

Показалась окраина, засобирались люди к выходу — значит, скоро Ганцевичи. Знакомство с районным центром началось с вокзала, мрачноватого деревянного здания, такого же неухоженного зала ожидания и привокзальной площади, до которой еще не дошли хозяйские руки. За железнодорожными путями — эстакада, горы леса-кругляка, в тупике вагоны под погрузкой.

До Больших Круговичей (места назначения), что в пятнадцати километрах, можно добраться только на попутной автомашине. После долгих поисков удалось договориться с шофером лесхоза. Погрузив свои два мешка книг, купленных на студенческие стипендии, едем по полуразрушенному шоссе. По бокам луга, обработанные торфяники. Проезжаем Огаревичи (взгляд ловит красивый дом и пруды бывшей помещицы Опацкой), затем деревеньку на развилке дорог со странным названием Шашки. До Больших Круговичей — рукой подать. При въезде нас встретила деревянная церковь XIX века, а школьный завхоз отвел нас на арендованную школой квартиру рядом, в крестьянской хате.

Это была низенькая комнатуха через коридорчик, два на три метра, с небольшим окошком. Она являлась и нашей кухней, и спальней, и рабочим кабинетом. Вот тут-то и вспомнился опять светлый, высокий, с тремя комнатами родительский дом, в котором прошла моя юность и где остались отец и мать.

В Больших Круговичах

Круговичи не считались отсталым селом в Ганцевичском районе. Из общественных зданий были старый невзрачный клуб, почтовое отделение, аптека, больница на десять коек, магазин, сельпо, в бывшей помещичьей усадьбе — МТС, обслуживающая колхозы. Уже в царское время работала в селе начальная народная школа, а в польское — гмина. После войны открылась в трех деревянных зданиях школа-семилетка, потом одной из первых в районе преобразованная в десятилетку. В ней в те годы учились дети из многих деревень: Малых Круговичей, Денисковичей, Кукова, Локтышей, Будчи. Поэтому всегда были параллельные классы. Дирекции приходилось арендовать в крестьянских домах комнаты для занятий.

Мы обошли сельские окрестности, побывали на старых прудах, познакомились с бывшей панской усадьбой Обуховичей, заглянули в каплицу с погребальным подземельем. За церковью открылся красивый вид на широкую долину, когда-то прорезанную речкой, но уже превратившейся в ручей. За долиной — загадочная, темная стена леса. Лес и с другой стороны на песчаной возвышенности. Словом, кругом был раньше лес, отсюда и название — Круговичи. Через село идет шоссейная дорога, связывающая отдаленные деревни с центром.

Село, действительно, стоит на бойком месте. Рядом с бывшим имением в окружении берез и осин дремлет старинный, в пять обхватов дуб-патриарх — свидетель былых времен и верный страж села. Однажды, сидя там, я вспомнил «Войну и мир» Льва Толстого, сцену встречи Андрея Болконского с похожим дубом-великаном и написал балладу:

В Круговичах, за церковью, на взгорке,
Дожив до старческих седин,
Могучий дуб шестнадцатого века
Стоит, как царь, среди осин.

Прошли столетья, но осталась тайна,
Что не была разгадана тогда.
Он был влюблен в красивую славянку,
Грустившую о ком-то у пруда.

Когда-то здесь, среди большого леса,
Возникло поселение крестьян.
Текла река, долину прорезая,
Звала к себе все новых поселян.

Потом внизу раскинулась усадьба
Известных Обуховичей-господ.
Их родовую погребальную каплицу
Не забывает до сих пор народ.

Быстро разошлась весть, что в школу приехал молодой учитель с женой. Встречные рассматривали нас с неподдельным интересом. Вскоре мы познакомились с соседями, стали охотно посещать учащихся на дому, чтобы лучше изучить быт, нравы, традиции жителей Полесья, среди которых нам предстояло жить.

Круговцы в основном были малоземельными, их наделы небольшие, низкой категории: то супесчаные, то заболоченные. Дома в селе в большинстве четырех-

стенки, крыты щепой. Подрабатывали люди на смолокурне, на лесных работах, на кирпичном заводе. Некоторые занимались извозом: доставляли дрова в безлесный Клецкий район. По приезду на службу я застал уже образовавшийся колхоз. Правление размещалось в обычной хате. В ней находились и председатель, и бухгалтерия, и остальные службы. А на колхозном дворе — невзрачные фермы, тощий, малопродуктивный скот, большой падеж молодняка. Все так, как во многих тогдашних коллективных хозяйствах.

Жилось трудно: ни родных, ни друзей, ни знакомых. Написался грустный стих:

Ни друга, ни звонка, ни слова...
В природе разлита осенняя тоска.
А над селом плывут, клубясь сурово,
Зимы предвестники — седые облака.

Все приходилось начинать с нуля. Нет хотя бы сносной комнаты, нет электричества, радио, телефона, автобусного сообщения. В райцентр приходилось иногда ходить пешком. А в сельском магазине только хамса, килька в банках, липкие конфеты-подушечки, иногда печенье. По разнарядке на семью учителей выдавали по два пуда ржаной муки, сами пекли хлеб. Для приготовления пищи — знакомый всем тогда керогаз, по вечерам — чадящая керосиновая лампа.

Но мы — любящая пара, на все тяготы жизни не всегда обращаем внимание. Со мной моя Раиса Андреевна — хрупкая, нежная женщина. Она все умеет, все может, все понимает. За какие такие заслуги, не знаю, Бог послал мне такого человека. Ровный, любящий характер, внимание к людям, терпение, оптимизм; ее дивные лучистые глаза были всегда моей поддержкой и опорой в дни сомнений и разочарований.

Школа

Последние дни августа 1955 года; прошла районная конференция учителей; распределена учебная нагрузка. Я — второй учитель в школе с высшим образованием, с ромбиком на лацкане пиджака, веду уроки в старших классах. Ученики восприняли молодого учителя настороженно, но с интересом. До меня уроки у них вела старенькая учительница, видимо, когда-то окончившая Институт благородных девиц. Литературу она им читала по учебнику (так называемой критике), а все следили по своим открытым книгам. Зная это, я начал вести уроки по-другому, по активной методике моего любимого преподавателя Ираиды Молодовой. Сначала ученики растерялись, что я не пересказываю известный учебник, потом им понравилось самим искать ответы на нестандартные вопросы, высказывать свое отношение к литературным героям. Я изучил возможности учеников, уровень их начитанности, давал посильные индивидуальные задания. Плохих оценок по литературе у нас в принципе не было, до сих пор придерживаюсь взгляда, что учитель в школе двойкой-пугалом может навсегда убить интерес и любовь к литературе и искусству.

К сожалению, грамотность моих старшеклассников по русскому языку оказалась не на высоте: первые диктанты дали печальный результат, повергли многих в уныние. Надо было внушить им веру, что все поправимо, что не так страшен он, как его, «великий, могучий и свободный» русский язык, малюют. Стали настойчиво учиться самоконтролю, логике русского языка, анализу грамматических особенностей, прибегать к сравнительной грамматике родственных языков. И ученики перестали бояться моих уроков, поверили в себя, а дополнительные занятия и консультации не воспринимали как наказание. Мы подружились; мне, белорусу, ученики и их родители дали кличку «Русский».

В первые годы работы пригодились мне и знания по спортивной гимнастике. Перемены, «форточки» в расписании я проводил со старшеклассниками на

спортплощадке. Обучал их упражнениям на перекладине, брусьях и комплексам утренней зарядки. Это тоже укрепляло авторитет молодого учителя, побуждало ребят заниматься физкультурой.

Я полюбил школу, работу, в которой у меня все ладилось, понимал крестьянских детей, видел в них личности, старался поделиться с ними всем, что сам знал и умел. Сельские ученики раньше отличались особой любознательностью, трудолюбием; учитель для них был большим авторитетом, а если он был еще и во всем справедлив, то всегда платили уважением и любовью.

На летних каникулах, подкопив немного денег, получив скромные отпускные, мы уезжали на малую родину, в свой тихий Антополь. Здесь встречались со школьными друзьями, посещали памятный Брест, родной пединститут. Посвежавшие и отдохнувшие, набравшись новых впечатлений, возвращались в Круговичи и с новыми силами приступали к занятиям, окунались в школьные будни. И этим будням я отдал тридцать восемь лет, в том числе лучшие молодые годы. В своей стихотворной автобиографии об этом сказал:

А получив диплом учителя тогда,
Школе отдал все лучшие года.
Старался юношам внушить любовь
Стихами лирики, без лишних слов.
Учился с ними жизнь не обижать,
Ценить добро, друг другу сострадать.

Однако не могу сказать, что мой путь учителя сельской школы был усыпан одними розами. Досталось и шипов за свободомыслие, за отказ слепо принимать «ценные» указания разных проверяющих, что позволяю себе отступать от программы и даю то, чего нет в утвержденном учебнике.

Если бы я давал, например, Пушкина только по программе и хрестоматии, где на первом плане стояли по идеологическим соображениям «Деревня», ода «Вольность», «Анчар», — то ученики не знали бы, что есть Пушкин другой, от которого дух захватывает, что есть бездонная глубина его поэзии, что есть — «Я вас любил: любовь еще, быть может...», «На холмах Грузии», «Я помню чудное мгновенье» и такие, как «Прощание» и «Заклинание».

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые.

О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы, —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

После таких стихов и другие постигались глубже и тоньше. А ведь многие учителя тогда не смели приходить на уроки со своим запасом «прочности» и посвящать учащихся в тайны прекрасных, но не программных произведений, держали их в рамках «от» и «до». А сколько было переживаний за отличников, которые законно претендовали на золотые и серебряные медали. Почему-то по Инструкции об экзаменах ученики и белорусских школ должны были писать сочинение по русской литературе. Эта медальная работа должна была выглядеть как безупречное произведение с четким планом, немалой по объему, быть последовательной в изложении, отличаться самостоятельностью суждений, правильными идейными выводами и написана без единой ошибки. И все это ученик должен был сделать за шесть непрерывных часов в стрессовой ситуации, в присутствии большой комиссии, не пользуясь ни словарем, ни другими пособиями.

Потом сочинение с другими материалами направлялось в облоно для утверждения школьной оценки.

Медалисты для школы — это почет, показатель высокого уровня обучения и воспитания, поэтому наш директор Старовойтов Василий Петрович, уважаемый и почитаемый в районе, прямо ставил мне задачу помочь отдельным ученикам получить за это сочинение высшую оценку. Ведь на таких учеников все годы работали многие учителя-предметники. И я не имел права похоронить надежды школы, родителей, претендентов. Так я держал на втором году работы свой экзамен на профпригодность. К счастью, вернулись работы с рецензией и подписями областной комиссии: с оценкой 5/5 согласны. Два ученика впервые получили золотые медали, затем один из них, Бобко Фаддей, стал кандидатом наук.

Зная такую нервотрепку, мои коллеги-языковеды решительно отказывались брать старшие классы, ссылаясь на то, что у них за плечами только учительский институт и нет опыта преподавания в выпускных классах. Мне пришлось и дальше тянуть эту лямку и отвечать за этот сложный экзамен (сочинение) по русскому языку и литературе, так несправедливо навязанный выпускникам-белорусам.

Попробую вникнуть в повседневную жизнь школы, во взаимоотношения учителя и инспектора, дать оценку сложившемуся тогда методу контроля. Его хватало с избытком как со стороны дирекции, так и отдела народного образования. Иногда это превращалось в глупую слежку за каждым шагом учителя, раздражало, унижало его недоверием. Только завучу школы вменялось в обязанности посетить за год около двухсот уроков и воспитательных мероприятий. Кроме этого регулярно проводились комплексные проверки по линии районо, частые контрольные работы (так называемые «срезы» успеваемости). Все это нужно, без этого не обойтись, но надо было и меру знать. Раздутые контролирующие штаты часто мешали спокойной, вдумчивой работе школы, учителей. Хочу затронуть и модные тогда «налетные» проверки то рабочих планов учителей, то еще чего-то. Это делалось для того, чтобы наловить «жучков» для многочисленных заседаний, совещаний, советов районо, конференций. Словом, была линия держать в повышенном напряжении школы и в страхе учителей. Не хватало главного — квалифицированной помо-

Учителя Круговичской средней школы. 1959-60 учебный год.

щи нуждающимся в ней учителям, не было откровенного обсуждения школьных проблем. Нас приучили еще в школе, в вузе, на разных совещаниях и заседаниях говорить только «правильные» мысли, угождать «руководящему» мнению. Поэтому мы не умеем вести дискуссию, в нестандартных высказываниях искать истину. А ведь убеждение и истина приходят к человеку не сразу, не вдруг, они приходят постепенно. К ним не может подойти тот, кто ищет их со страхом, запрещая себе думать и говорить откровенно, кто сам себя обманывает.

Учительские августовские конференции, правду сказать, не вызывали должного интереса, потому что проводились по утвердившемуся трафарету: общий доклад начинался всегда с набившей оскомину длинной политической «подкладки», с восхваления партийных решений о школе, с призывов вооружать учащихся глубокими знаниями, умениями и навыками. Потом, часто по формальным признакам, шла хвалебная оценка лучших школ и учителей, назывались проценты успеваемости, а потом шли другие школы и учителя (вспомните семь пар «чистых» и семь пар «нечистых» В. Маяковского). Вторым доставалось «разгромной» критики по полной программе. В разряд таких «нечистых» и я попал на втором году своей работы. В них включила меня инспектор Берлинская (какая страшная фамилия) после посещения урока по работе В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». В докладе прозвучало, что я свел глубокие высказывания вождя до простого требования писателям вступать в компартию. Такую глупость я посчитал оскорблением, попросил слова, кратко изложил содержание урока и доказал, что не партбилетом измеряется талант советского писателя и защита интересов трудового народа. В заключение я сказал, что инспектор исказила истину для того, чтобы показать руководству района свою партийную зоркость. Зал поддержал меня аплодисментами, а инспектору пришлось оправдываться. Ход конференции вернул в послушное русло партийный работник, сказавший буквально следующее: «А что вы, уважаемая Берлинская, будете оправдываться перед Нестеруком». Все убедились, что в жизни прижился принцип: я начальник — ты дурак. Мне преподали урок, что простому учителю надо быть покорным и не высовываться. Было обидно, но я утешал себя стихом А. С. Пушкина: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца».

Получив такой общий заряд руководящих указаний с «разгромной» критикой недостатков, учителя возвращались домой, окунались снова в неустроенный быт деревни, в обычные школьные будни. И опять их пугали проверками, сбором критического материала для новых совещаний, заседаний, советов районо и следующей августовской конференции. Инспекторов я не хочу обидеть, они были такие, как и мы, — не хуже и не лучше...

А быт деревни, приезжих учителей продолжал оставаться трудным, неустроенным: невозможно было семейным найти сносную квартиру, наладить нормальное питание. Думалось, отработаем положенный срок и уедем на свою Антопольщину. Но нам неожиданно повезло: съехал врач, занимавший полдома одинокой старушки, куда мы и вселились с нашей первой дочуркой Наташей. А вскоре в нашей большой любви родилась вторая дочь — Лариса. Моя Раиса оказалась прекрасной матерью и хозяйкой. Девочки росли здоровыми, красивыми, ухоженными. Мы были счастливы, несмотря на тогдашнюю бедность.

И все же советская школа в те трудные годы при крайне слабой учебной базе делала заметные успехи. Однако много пришлось ей пережить потом, как и всей стране, сомнительных реформ и перестройки.

Раздумья

В конце пятидесятых годов была задумана и проведена реформа в народном образовании. Школа стала с производственным обучением. Учащимся была навязана специализация полевода-тракториста. За школой формально закреплял-

ся участок в 20 га земли, на котором должен был выращиваться на научной основе урожай кукурузы, картофеля, свеклы, а опыты внедряться в колхозное производство. Специалистов по новым предметам настоящих не было, преподавание велось на низком уровне. Колхоз, как и раньше, засеивал наш участок, а школьная бригада использовалась как простая рабочая сила. Не только она, вся школа неделями работала на сборе камней, которыми усеяны круговичские поля, на уборке картофеля и свеклы, хотя рабочей силы в селе хватало, но люди под разными предложениями уклонялись от сельхозработ. Во многом выручала школа, выкапывала каждый год до 20 га картофеля, убирала и в заморозки свеклу. Разные инспекторы регулярно проверяли «липовую» документацию бригады, а школа брала «с потолка» и показывала в отчетах высокие достижения в опытнической работе.

Нашу школу ждала еще одна напасть. Директор, чтобы прославиться или по нажиму районной власти, взялся силами строительного звена бригады возвести кирпичное здание школы. Нам выделили трактор и автомашину. Вот тут-то и начался настоящий кошмар: старшеклассники вручную копали траншеи, возили бутовый камень, заливали фундамент, возили из карьера гравий, кирпич с местного завода, обслуживали каменщиков-шабашников.

Сколько было потеряно уроков, не получено знаний! Родители приходили жаловаться на такое вольное обращение с их детьми, но что мы могли им ответить. Однако надо было рапортовать, что в результате школьной реформы улучшились успеваемость и воспитание учащихся.

До нашего директора наконец дошло, что это может добром не кончиться, и он в расцвете славы ушел на повышение, стал заведующим районо. Меня назначили директором. Я знал, что меня ожидает, но тогда не принято было упорствовать и не соглашаться. Пришлось обивать пороги правления колхоза, сельсовета, лесничества, выпрашивать всякую помощь. Приходилось каждое лето, теряя отпуск, заниматься стройкой, ремонтом старых зданий, вывозом дров для отопления школы, отвечать за летнюю практику в колхозе. Я стал ловить себя на том, что тупею, живу старым багажом, теряю качества учителя, превращаюсь в завхоза, снабженца, попрошайку в разных организациях и кабинетах.

Не все ладилось у меня, беспартийного, с секретарем колхозной парторганизации и местным председателем сельсовета. Окончательно испортил наши отношения один случай. Как-то на Пасху, проявив свою идейность и атеизм, решили они провести воскресник. Медики смелее, не явились, пришли всегда покорные учителя. Им было предложено чистить коровник. Начальники за работу не думали братья, они пришли надзирать и руководить. Я сказал, что таким образом никому не позволено унижать и позорить учителей. О непокорном, аполитичном директоре было доложено куда следует. Вскоре в районной газете «Савецкае Палессе» появилась сатирическая статья: «Інтэлігент, чаго спалохаўся?», где меня учили уму-разуму и покорному, правильному поведению. Тучи надо мною стали сгущаться. Окончательно крест на моей директорской карьере поставило «куриное» дело.

Кто-то в высоких кабинетах придумал, что ученики школ могут внести заметный вклад в программу догнать Америку по мясу. Каждой школе довели план сдачи птицы. Ее должны были вырастить школьники на своих подворьях. Нам довели цифру в 150 голов. Старшеклассники нести под мышкой кур отказались, несмотря на уговоры и просьбы; дети младших классов за несколько дней принесли примерно 50 выбракованных, негодных петушков. Настоящую птицу родители сами продавали где только могли, чтобы выручить кой-какие деньги. На базе эти кости и перья не приняли, забирать их домой дети не захотели. Выпустили этих бедняг в школьном саду на волю, так они и пропали к зиме.

Если раньше на советах районо меня отмечали как знающего педагога, то после провала плана я получил выговор и вскоре был снят с должности за несознательность и плохую исполнительскую дисциплину. Приняли с женой решение уволиться и навсегда покинуть Ганцевщину, которой было отдано семь лет жизни, но меня

неожиданно призвали в армию на сборы. Пришлось отозвать заявление, чтобы не оставлять семью без перспектив в новом учебном году. После возвращения в сентябре пришлось согласиться с назначением на должность завуча школы. Так мы и остались, думали, временно, в Круговичской средней школе.

Новый директор, бывший партизан, член партии, был человеком добрым,

но, как потом оказалось, сильно пьющим. Он больше бывал в колхозе, чем в школе, целыми днями пропадал с друзьями, в учебный процесс не вникал, но любил заниматься хозяйственными делами, заводить блат, заключать разные договоры на нужные и ненужные ремонты.

Скрыть провал производственного обучения на базе средней школы не удалось, но и отказаться от него долго не решались. Его перенесли в отдельный учебный комбинат, куда по графику один день в неделю выезжала каждая школа. Расписание уроков старшеклассников на пятидневку оказалось сильно перегруженным. Наконец-то закрыли учебный комбинат, а школа снова стала просто общеобразовательной. Этот комбинат вообще был не нужен, так как в Ганцевичах успешно работало училище механизации сельского хозяйства.

Наконец-то наша стройка была закончена, завершила ее районная строительная организация. Получилась школа-казарма с узким коридором, с печным отоплением, без водопровода, без необходимых кабинетов. Но чиновники от образования не унимаются: поступает приказ о переводе средних школ на кабинетную форму обучения. Выглядело это так: на классах разместили таблички с названием кабинетов, комнаты загрузили шкафами, чем заметно сократили рабочую площадь, стены увешали массивными стендами, будто бы способствующими успеху обучения. Учителя стали днями и ночами клеить картонные коробки, чтобы заполнить полки пустых шкафов. На каждый новый урок ученики обязательно должны были меняться лжекабинетами. После каждого звонка начиналось в узком коридоре столпотворение, «великое передвижение народов». Заведующие лжекабинетами стали докладывать дирекции об испорченной и сломанной мебели, а инспекторы усилили контроль за исполнением важной директивы. Никому не было дела, что непростительно нарушается принцип учета возрастных особенностей учащихся. Никто не станет отрицать значение современного кабинета в обучении, но та показуха приносила больше вреда, чем пользы. Прошло время, чиновники от образования уgomонились, а школы прекратили ненужные «хождения по мукам».

Со временем в жизни Круговичей, колхоза «Знамя Ленина» произошли заметные изменения: были построены двухэтажный Дом культуры, современный детсад, торговый центр, Дом быта, новые фермы. А в больших деревнях района началось строительство типовых школ с необходимыми кабинетами, актовым и спортивным залами. Нас брала зависть, а мы, старейшая в районе средняя школа, расплачивались за чью-то прежнюю глупость, занимаясь в угрюмом, холодном, допотопном здании.

С супругой Раисой Андреевной.

Вместе с тем несколько улучшилось материальное положение учителей, бытовые условия. Мне удалось купить в рассрочку неплохой четырехкомнатный дом. Увеличилась семья: родилась наша третья дочь — Инесса. На семейном совете было решено дать ей вместе со школьным и музыкальное образование. Пришлось на наши скромные сбережения купить пианино и потом оформить нашу малышку в Ганцевичское музыкальное училище. Снова переезд на малую родину был отложен. Теперь бытовые условия нас устраивали. Да и в школе мы уже стали опытными учителями. Раисе Андреевне присвоили звание «Старший учитель», а мне после аттестации — высшую категорию.

Но кроме школьных забот вскоре добавились дополнительные нагрузки: меня в добровольно-принудительном порядке назначают руководителем и лектором в одном лице школы партийного просвещения в колхозе. Программа доводилась райкомом вузовская — от истории КПСС до философии, политэкономии и научного коммунизма. На исполнение этой сложной бесплатной нагрузки уходили все мои выходные дни. Райком партии часто направлял меня на семинары в Брест, где я учился лекторскому мастерству у видных пропагандистов республики. Закончил я и заочную двухгодичную школу пропаганды при Брестском обкоме партии. За мой многолетний труд партийные органы награждали многими грамотами — вплоть до грамоты ЦК Компартии Беларуси и юбилейной медали В. И. Ленина.

В Компартию вступил поздно, в 1968 году, когда по решению райкома в средних школах стали создаваться парторганизации. Я стал первым ее секретарем. Пришлось тянуть еще одну, уже партийную нагрузку, часто бывать в райкоме, придумывать планы работы, повестки обязательных ежемесячных собраний, редактировать протоколы и идейные постановления из многочисленных пунктов с избитыми словами — одобрить, усилить, улучшить, добиться. Потом эти «умные» бумаги забывали, складывали в сейф для отчета. И так из месяца в месяц. В душе зрели критические мысли, но изменить хоть что-то было нельзя: все шло по давно накатанной колее.

Мы становились свидетелями разных событий, которые вызывали тревожные ожидания. Прошли через хрущевский «коммунизм», который был обещан народу к 1980 году, а закончился продовольственными карточками, через брежневский «застой», когда на страну и генсека пролился золотой орденский и звездный дождь, через горбачевский социализм с человеческим (надо же такое придумать) лицом.

Партийная пропаганда продолжала трубить о гениальности наших вождей, а в народе ходили многочисленные анекдоты про престарелых генсеков, которые будто были «умом, честью и совестью нашей эпохи».

Большую тревогу вызывали и политические события в мире. Карибский кризис (поставка ракет на Кубу) чуть не привел к атомной войне; возникла польская «Солидарность», прогремела «Пражская весна», взволновали венгерские события. Это был тревожный звонок, но не все его слышали.

Мы, поколение послевоенных лет, познавшие невзгоды того времени, получившие образование и воспитание в советской школе и институте, были патриотами, гордились страной, успехами в космосе и культуре. Советская пропаганда широко использовала в воспитании «Алые паруса», тягу молодежи к романтике. «За туманом и запахом тайги» энтузиасты ехали на строительство БАМа, осваивать целину, строить города и заводы. Героями для подражания были Павел Корчагин, Стаханов, Чкалов, папанинцы, солдаты и офицеры Отечественной войны. В таком патриотическом духе воспитывались дети и в нашей семье: активно участвовали в пионерской и комсомольской работе, разных кружках, предметных олимпиадах, субботниках и воскресниках, потом в студенческих трудовых отрядах.

Несмотря на низкие учительские зарплаты, невысокий материальный достаток, мы смогли дать трем детям достойное воспитание и образование.

Старшая дочь Наталия стала инженером-химиком на «Интеграле», Лариса и Инесса — учителями иностранных языков в школе, техникуме, потом в Гомельском и Московском (филиале) университетах.

А село Круговичи жило обычной размеренной жизнью, в трудах и заботах: выросла новая улица, построены новые дома, а в 1985 году наконец-то вступила в строй современная типовая школа. В колхозе были введены в оборот новые земли в урочище «Кудаха», что привело к укреплению хозяйства.

Но в мире было неспокойно: усилилась гонка вооружений, холодная война, СССР был объявлен империей зла. Огромные траты на ядерное оружие, космос, на поддержку просоветских режимов и зарубежных компартий не могла выдержать советская экономика — назревал глубокий политический кризис. Новый генсек Горбачев объявил перестройку, гласность, плюрализм. Его демократические речи сначала всем нравились, потом стало ясно, что перестройку заболтали, как уже было не раз до этого.

Приближались лихие 90-е годы двадцатого века. Окрепла прозападная оппозиция, усилились сепаратистские настроения в республиках. Как снежный ком накатились непонятные события: свергнут Горбачев, власть берет ГКЧП (государственный комитет чрезвычайного положения), просуществовавший три дня. В схватке расколовшейся правящей верхушки победу одерживает Ельцин, объявивший о строительстве капитализма.

В то утро видели Кремлевские палаты,
Как власть Советскую свержали демократы.
И пошло-поехало, не забывается досель,
Как завертелась воровская карусель.
Поделили банки, трубы, нефть и газ —
Все подстроили под западный заказ.

Теперь Россией правят олигархи,
У них с Кремлем завелся флирт.
Народ остался с фигой в кармане,
Ругает власть и пьет «убойный» спирт.

Так 25 декабря 1991 года не стало целой страны — Родины для большинства людей. Плоды этой схватки пожали циничные дельцы, разграбившие страну во время дикой приватизации. Эти новоявленные буржуи в 1996 году подмяли под себя финансы, выборы, высших чиновников, политику, средства информации, а культуру превратили в свою служанку. Они втянули в свою лжекультуру значительную часть молодежи.

Сегодня Россия по числу миллиардеров, бутиков, фабрик звезд, битв титанов, низкопробной развлекаловки, юмора ниже пояса выходит в мировые лидеры. Нам очень подробно рассказывают, кто с кем спит, сколько жен и мужей поменяли наши звезды, кто успешно вышел за олигарха. Да, мы теперь многое знаем про ГУЛАГ, про сталинскую коллективизацию, о престарелых вождях, читаем запрещенную литературу 30-х годов, написанную «в стол». Никто не хочет возвращаться в прошлое. Но нельзя же так огулом оплевывать все советское, как это делает та часть интеллигенции, которая вскормлена из кармана обворовавшей страну буржуазии.

Откроешь газеты — и диву даешься, как верные слуги капитализма за наворованные миллиарды жируют на Канарах, Куршевеле, на лазурных берегах, устраивают там оргии со своими молоденькими шлюхами, скупают замки и дворцы, яхты и спортивные клубы, бриллиантовые яйца Фаберже. Им не важно, какая Россия достанется будущим поколениям, они уже построили себе мини-Россию за надежно охраняемой Рублевкой и другими злачными местами; им не важно, что большинство россиян живет на улице «разбитых фонарей».

Двадцать первый век и культура

Двадцать первый век не оправдал надежды народов, не увидели люди свет в конце тоннеля. Углубилась пропасть между бедностью и богатством; глобальные катастрофы потрясают планету Земля; нравственности и духовности нанесен непоправимый урон.

Есть два икса, за ними единица,
Это лживый двадцать первый век.
Издерган мир, Земле тревога снится,
Пока не поздно, кайся, человек!
Политики в бесовской страсти
Пожары раздувают там и тут.
Им мало почестей, богатства, власти,
Играют судьбами, бесстыдно лгут.

(Из стихотворения «XXI век»)

Не властители дум — философы, ученые, настоящие поэты и писатели — знамениты, а те, кто за богатые подачки продвигает чужие взгляды и ценности, исполняет «заказуху». Ныне деньги значат больше для карьеры, чем талант, нравственность и высокая культура. Раньше большое искусство и нажива были несовместимы. Настоящую музыку, писателей прежнего уровня «похоронили», когда в классику влез шоу-бизнес. Никогда в жизни — по выражению великого пианиста Николая Петрова — не устраивали такого «чертобесия», которое творится на нынешних сценах. В нас запустили столько грязи через кино, литературу-однодневку, телевидение, что с этим злом даже здоровый человек не справится. На эстраде чаще всего — глумление, кривляние, пустота. Раньше таких артистов, — считал Ян Арлазоров, — не пустили бы на предварительный просмотр в театральное училище. Так нынешняя попса промывает мозги молодежи.

В советское время чествовались часто и люди труда. Доступ в элиту не был уделом избранных. Неужто петь под фанеру, плясать, скакать как угорелый, бесноваться — такой уж тяжкий труд?

Сегодня на конкурсной сцене
В моде голый живот и зад.
Скачут артисты, как черти,
Словно их гонят в ад.

Однажды при опросе одной газеты Боярский сказал: «Отбери у некоторых людей звания, так они ничего не будут представлять — бездарность и останется бездарностью». Нынешнее телевидение, радио, книжный рынок являются прямым порождением денежного мешка капиталистических акул господства и наживы.

А с экранов телевидения продолжает литься кровь, идут бесконечные сериалы про грабежи и разбой, разных ментов, про банковские аферы, бандитские разборки, семейные неурядицы. Пропаганда порно и секса свободно идет на многих каналах, поэтому неудивительно, что такое широкое распространение в мире получила торговля красивым женским телом. В этом виден сговор алчных мафиозных групп, шоу-бизнеса и модельных домов. Для этого и нужны разные «фабрики звезд», конкурсы красоты «Мисс Европы», мира, отдельных стран по несколько раз в году под разными вывесками. Хуже всего, что эта напасть распространилась на школы, лицеи, детские сады. Везде выбирают первую красавицу, унижают этим всех остальных, травмируют детскую психику. В моих «Ночных мыслях» есть стихотворение:

Про секс говорить стало модно,
Мол, век наш — время страстей.
Да нет же! Это доходно
Для теперешних ловкачей.

Готовят сексотов смену,
Сколько дурацких затей.
Выводят славянок на сцену,
Как на ярмарку лошадей.

Сложилась целая каста,
Освоила денежный путь.
На кастингах лапают гласно
Девочек бедра и грудь.

Почему так много пишу о нынешней России? Потому что она и нам, белорусам, не чужая страна; потому что события в ней прямо или косвенно влияют на нашу политику, экономику, культуру и нравственность; потому что все мы вышли из одной, советской шинели.

Перед выбором

После развала СССР события в Беларуси развивались по российскому образцу, правда, с меньшим размахом, без человеческих жертв, без танков и расстрела парламента. Страна объявлена парламентской республикой. Во главе становится Шушкевич, подписавший с Ельциным и Кравчуком акт о роспуске Союза в беловежских Вискулях. Сразу усиливается борьба за выбор белорусского пути. Во время этой смуты поднимают головы националисты во главе с Позняком и Шушкевичем.

Не знали тогда белорусы,
Сделать куда поворот.
На плохо вспаханной почве
И вырос народный фронт.

Позняк был в деревне на встрече,
За президента боролся «Сан»!
Говорил, что без оппозиции —
Не власть, а сплошной обман.

Но победу в первом туре голосования одержал Лукашенко. Народ высказался за его программу независимости и строительства с Россией союзного государства. Мне трудно оценить первый срок его президентства: слишком много раздавалось критики в его адрес со стороны бэнээфовцев. Проигравшая оппозиция повседневно трубила об украденной демократии, свободе, устраивала марши несогласных, пыталась при поддержке Запада провести цветную революцию.

Шло время... Медленно поднималась республика с колен, а строительство союзного государства тормозилось нестыковками экономик двух государств. Алчные российские олигархи избрали нефть и газ главным козырем давления на Беларусь. Новые президентские выборы не изменили расстановку сил. Программа Лукашенко опять находит подавляющую поддержку в народе. Противники предрекают стагнацию, критикуют его за популизм, ручное управление, подавление демократии. Однако будем объективны: за годы его правления республика добилась заметных успехов: обеспечены независимость и продовольственная безопасность, проведена модернизация градообразующих предприятий, перерабатывающей промышленности. Улучшился жизненный уровень населения.

На сложные размышления навели новые выборы президента в декабре 2010 года и последующие события. Обанкротившаяся оппозиция потерпела сокрушительное поражение, но попыталась силой захватить власть, чтобы оправдать затраченные деньги своих зарубежных хозяев. Не получилось! Запад тут же объявил выборы, на которых Лукашенко получил 80 % голосов, недействительными, ввел санкции, усилил пропагандистскую кампанию против неугодного режима.

На склоне лет

Однако закроем страницы лихих 90-х годов двадцатого века и нового времени, когда призрак капитализма превращается в реальность на постсоветском пространстве. В это время я вступил в пенсионный возраст, но продолжал работать в школе, потому что сохранились силы и накопленный опыт преподавания, любовь к школе и ученикам. Думалось, что я еще нужен в коллективе молодым учителям в эти непростые годы, когда на нас хлынула такая противоречивая информация. Ведь в школе шли нешуточные споры: одни защищали все советское и курс Президента, другие становились на позиции Народного Фронта и бездумно выхваляли западный капитализм. Доведя до выпуска свои старшие классы, я распрощался со школой и стал привыкать к жизни пенсионера. В семье складывалось все хорошо. Были любовь, нежность, взаимопонимание. Моя Раиса Андреевна и в пожилом возрасте оставалась человеком большой души, прекрасной матерью и хозяйкой. Ее лучистые глаза продолжали греть нас теплом и лаской. Радовали дети: к этому времени они уже стали неплохими специалистами в своих профессиях, работали в больших городах. Но судьба готовила страшные удары. На восемьдесят шестом году умирает моя мать. Не забыть ее заботу о наших девочках. Бабушка Анна, простая крестьянка, была талантливой выдумщицей детских сказок, игр и забав для подрастающих внуков. Жаль, что я не записал их тогда и не обработал литературно. А теперь, на склоне лет, все реже удается побывать на ее одинокой могиле.

Есть кладбище. Его песок глубокий
Хранит небес высоких благодать.
Ограда там и холмик невысокий,
Где спит, покоится родная мать.

Бываем редко там, но говорим с тобою,
Прости ты нас, далеких сыновей.
Спорить бесполезно со своей судьбою,
Время не вернешь, оно летит быстрей.

Пока есть силы видеть небо синим,
Память сохранил твой светлый лик.
Нам дороги всегда твои седины,
Мы помним расставанья горький миг.

Несколько позже ушла из жизни родная сестра Клавдия, любимая тетя моих детей. На родине остался отец — ветеран Великой Отечественной войны. Мне пришлось часто приезжать к нему, оказывать помощь, уговаривать переехать к нам, от чего он долго отказывался — прикипел человек к родному дому, что был построен таким трудом. Природа наградила нашего Иосифа Максимовича завидным здоровьем. Он и в свои 93 года не выглядел дряхлым стариком, был подтянут, сухошав, подвижен, ездил на велосипеде в любимый Антополь, работал в большом саду.

После долгих уговоров согласился провести у нас только зиму, но так и остался до конца своих дней. Мы жили дружной семьей, окружили его вниманием и заботой. Ничего не предвещало беды. Но в морозную, снежную зиму декабря 2002 года приключилось воспаление легких, и 7 января 2003 года, в ночь Рождества, перестало биться его сердце. Похоронить его в родных Свекличах мы не смогли (я тоже был сильно простужен), пришлось похоронить на круговичском кладбище, чтобы потом, возможно, перезахоронить на родине. А получилось, что солдата «зарыли в шар земной», и трогать его могилу не решаемся. Но не выходит из головы, как раскаяние, мысль, что человека навек разлучили с землей в родном краю, а по ночам снятся стихи А. С. Пушкина:

С внучками Ангелиной и Катей, 2000 г.

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И звучат они как тихая жалоба отцовской души.

Похоже, как в случае с отцом, но в декабре 2003 года слегла Раиса Андреевна. Пришлось срочно положить ее в райбольницу. Казалось, больная в первую неделю идет на поправку, но врачи обнаружили прогрессирующую лейкемию. Врачи оказались бессильны. 20 января 2004 года не стало жены, матери, бабушки.

Твой образ для меня — святое,
Жаль, что годы радость унесли.
Время хочет зачеркнуть былое,
Сказать, что утонули наши корабли.

К звездам ты ушла далеким,
Там не растут весенние цветы,
Там чувствам холодно высоким,
Там нежность не познаешь ты.

Там не найдешь любви и счастья,
Дороги звездные не приведут домой.
Там не попросишь для души участия.
Там вечность правит человеческой судьбой.

Удар судьбы... Жизнь стала пустой, ненужной, превратилась в прозябание, но я не сдался, устоял, не сломался. Моим спасением стала прежняя нерастратенная любовь, улыбка милой, ее лучистые глаза. Помогла и классическая литература, с которой я снова крепко сдружился и открыл в ней великую мудрость Земной жизни. Особенно меня увлекла поэзия — исповедь души лирического героя. К счастью, сохранились зрение, слух, память. В раздумьях, в полусне стали приходиться темы, образы, рифмы. Ночами стал являться любимый образ — мой светлый, улыбочивый зайчик. Вскоре вырисовался образ солнечной, загадочной женщины, затронувший лучшие струны души. Так возник первый сборник «Любви цветок», начало которому положил «Солнечный зайчик»:

Недавно я видел во сне
Себя беззаботным мальчиком.
А ты мелькнула в окне
Милым, солнечным зайчиком.
Проснулся — сердце в огне,
Мой зайчик — мечта святая.
Бледный месяц стоял в стороне,
А в комнате — тьма ночная.

Потом написались сборники «Рассветы и закаты», «Дни как ручьи», «Ночные мысли».

Размноженные стихи стал дарить родным, друзьям, выпускникам школы. Они надоумили меня послать избранное в газеты и журналы. Первым появился в «Гаспадыне» «Солнечный зайчик», затем в «Друге пенсионера» стихи о природе и «Не изжить мне без тебя тревогу», на которое я получил теплые письма от незнакомых женщин-читательниц газеты.

Не смирилось и не отболело
Сердце одинокое в тисках.
Ты ушла зимой с метелью белой,
Вспомню — стынет кровь в висках.

Мне в стране твоей холодной и далекой
Не найти знакомого следа.
Но глаза любимой, черноокой
Узнаю без всякого труда.

Ты в душе хранила ясную погоду,
Память не сотрет любимый лик.
Не изжить мне без тебя невзгоду,
Сознаю: я вечный твой должник.

Прилетай снежинкою морозной ранью,
Разгони мою тревогу и нужду.
Это будет незабывное свиданье.
В нем я молодость ушедшую найду.

Установились у меня тесные связи с районными газетами, которые на литературных страницах продолжают традиции Ганцевщины литературной. Здесь начинали творческий путь известные поэты полесского края — В. Проскуров, И. Кирейчик, М. Рудковский, М. Купреев, В. Гордей. Теперь продолжают выступать хорошо зарекомендовавшие себя поэты второй волны — Алексей Голоскок, Светлана Локтыш, Нина Ковальчук, Анна Залеская, Алла Мирзалиева, Владимир Бабулин, Георгий Толин и другие. Печатаются и подборки моих стихов из циклов «Здесь Беларусь святая», «Поэтам-лирикам читателя поклон», «Наследие любви», «Голубая даль», «Сонеты».

Написанные и подаренные мною стихи помогли укрепить и завести новые знакомства. Так, известный в Беларуси поэт и прозаик Виктор Гордей подарил мне интересный роман «Бедна басота», замечательный сборник лирики «Триединство», помог организовать выпуск моего сборника «Рассветы и закаты», написал обзорную статью, в которой раскрыл особенности моего стиха и образ лирического героя.

Презентация поэтического сборника состоялась в декабре 2010 года. Ее талантливо организовали и провели работники Дома культуры и библиотеки, при поддержке хоровых коллективов Круговичей и Ганцевичей. Получился сельский праздник поэзии. Прозвучали и две песни, «Крепость над Бугом» и «Май в моем сердце», написанные на мои стихи местным композитором.

Так я вступил в клуб ганцевичских поэтов и возложил на себя обязательства писать так, чтобы не снизить высоту, которой достигло мастерство нынешних поэтов нашего края. Хочется надеяться, что впереди будут новые дали, новые поиски, новые свершения.

На склоне лет время течет незаметно:

В природе, как в жизни,
Все в вечной борьбе:
Прошла весна, пройдет и лето.
А я желаю Вам и себе
Верных друзей, тепла и света.

Вот уже на исходе еще один год. Золотая осень сменилась преддверием, праздники перешли в будни, в тяготы жизни, иногда в безутешную скуку. Но не будем перекладывать на кого-то вину за все это. Глупо ожидать, что жизнь сама устроит нам праздник. Надо самому избавляться от серой повседневности, настойчиво искать священный смысл бытия в будничной работе, в каждом прожитом дне. Будни с человеком остаются всегда, поэтому их необходимо преобразовывать изнутри, как учит известный философ А. И. Ильин, и тогда они «наполнятся смыслом, станут многоцветными».

С годами мы становимся терпимее, добрей,
Нам вспоминается тернистая дорога.
На ней препятствий было взято много,
С годами мы становимся терпимее, добрей.

И друга взгляд становится дороже,
Дороже радость встреч, любимых имена,
Отцовский дом, родная сторона,
С годами друга взгляд становится дороже.

С годами время учит быть душою чище,
И жизни смысл становится ясней.
Жалеем в никуда ушедших дней,
С годами время учит быть душою чище.

С годами больше любим солнца свет,
Нас греет память первого свиданья,
И мучают ошибки расставанья,
С годами больше любим солнца свет.

Заканчиваю повесть, пройдены трудные пути-дороги, забываются радости и печали, ошибки и заблуждения, но в памяти хранятся лучистые глаза любимой женщины; их теплом и светом еще согрет мой одинокий, опустевший дом.